

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070021631-1

©2022 Н.С. РОЗОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии и права Сибирского отделения РАН.

Профессор кафедры международных отношений и регионоведения НГТУ.

Российская Федерация, 630090 Новосибирск,

ул. Николаева, д. 8.

ORCID: 0000-0003-2362-541X

nrozov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу механизмов и закономерностей складывания общих черт (универсалий) известных естественных языков в классической трактовке Ч. Хоккетта (1962). Эти универсалии (традиционность, чередуемость; перемещаемость, продуктивность/открытость, семантичность и дискретность знаков; произвольность элементов языка; двойное членение или «дуальность») сосуществуют с разнообразием черт, обнаруженных лингвистами при анализе языков, в том числе весьма отличных от «среднеевропейского стандарта». В семи тезисах представлена складывающаяся парадигма в современных исследованиях глоттогенеза, включающая черты многоступенчатости, интегративности и социальности. Речевое, или вербальное, общение появилось в качестве приспособления в ходе антропогенеза как биологической, а затем социальной и культурной эволюции при действии механизмов многоуровневого отбора и построении новых техноприродных и социальных ниш. Базовыми условиями глоттогенеза были самоодомашнивание, формирование совместной интенциональности и становление базовых социальных норм. Речевые способности и языковые структуры появлялись по отдельности на протяжении весьма долгого времени (сотен тысяч лет) с чередованием прорывных и долгих

- *чередующесть* — члены языкового коллектива являются поочередно то передатчиками, то получателями языковых сигналов;
- *перемещаемость* — сообщения могут относиться к денотатам, удаленным во времени или пространстве от ситуации общения, от перцептивного поля участников коммуникации;
- *двойное членение или «дуальность»*² (duality of patterning) означает, что над несемантическим фонетическим субстратом возвышаются семантические надстройки; так сочетания фонем образуют слова (или морфемы), обладающие значением, сочетания слов могут быть объединены в предложения со своим смыслом, а предложения — в еще более крупные смысловые единицы; благодаря дуальности громадное количество слов выражается в комбинациях относительно малого числа минимальных, бессмысленных, но, как правило, четко произносимых и различимых фонем.

Хоккеттовские универсалии особенно сильно впечатляют при учете необъятного обнаруженного разнообразия и специфичности языков мира. Множественные более конкретные претенденты на универсальность не выдержали испытания при расширении знакомства с новыми, в том числе весьма экзотическими, языками [Bernabeu, Vogt, 2015: 28]. Классические представления о «среднеевропейских языковых стандартах» уверенно преодолены. Обнаруживается экзотика буквально по всем параметрам [Бородай, 2020: 643].

Известны простые языки, типа *риэу* и *пираха*, и более сложные языки, в том числе бесписьменные, принадлежащие охотникам-собираателям. Однако среди изученных языков нет ни одного «недоязыка» или «протоязыка», которые не прошли основных ступеней глоттогенеза и лишены хоккеттовских универсалий.

Накопленный арсенал идей и результатов в исследованиях глоттогенеза — основа объяснительного подхода

Информативные обзоры концепций глоттогенеза содержатся во многих работах [Пинкер, 2004; Разумное поведение и

Н.С. Розов
Антропологические корни языковых универсалий

² В англоязычной лингвистике данное понятие известно благодаря Хоккетту, однако идея двойного членения была уже у французского лингвиста Андре Мартине, причем Р. Якобсон утверждал, что впервые о двойном членении писал Д.В. Бурхис в Ленинграде еще в 1930 году.

■■■■■■■■■■
 НАУЧНЫЕ
 ИССЛЕДОВАНИЯ
 ■■■■■■■■■■

язык, 2008; Бикертон, 2012; Фитч, 2013; Bernabeu, Vogt, 2015; Бурлак, 2019; Розов, 2022].

Уже можно говорить о складывающейся парадигме, объединяющей многие современные концепции глоттогенеза с чертами многоступенчатости, интегративности и социальности [Розов, 2022: 15–24]. Тезисы ядра этой парадигмы сформулируем следующим образом:

1. Речевое, или вербальное, общение появилось в качестве *приспособления (адаптации, обеспечивающей структуры)* в ходе антропогенеза как биологической, а затем социальной и культурной эволюции³ в процессах внутrigруппового и межгруппового взаимодействия [Ламсден, Уилсон, 2017; Deacon, 1997; Gardenfors, 2003; Пинкер, 2004; Barnard, 2009; Stringer, 2012], коммуникации при действии механизмов *многоуровневого отбора* [Boyd, Richerson, 2004; Dor, Knight, Lewis, 2014], причем при обнаружении *и построении новых техноприродных и социальных ниш* [Odling-Smee, Laland, Feldman, 2003; Бикертон, 2012; Laland, 2017].
2. Базовыми условиями глоттогенеза были *самоодомашнивание*, переход доминирования в группах от альфа-самцов к относительно эгалитарным коалициям [Беляев, 1981; Lovejoy, 2009], формирование *совместной интенциональности* и становление *базовых социальных норм* [Knight, 2006; Dor, Knight, Lewis, 2014; Zlatev, 2014]; вынужденные регулярные совместные действия с необходимостью достижения согласия, взаимопомощь стали необходимыми условиями развития речи [Томаселло, 2011; Бикертон, 2012; Stringer, 2012].
3. Речевые способности, а значит, и структуры (различения, единицы, конструкции) языка, появлялись по отдельности на протяжении весьма долгого времени (сотен тысяч лет); предполагается чередование прорывных и долгих кумулятивных периодов в развитии языка по аналогии с развитием каменных технологий [Burling, 2005; Bouchard, 2013].
4. При этом последовательно и сопряженно достигались определенные *ступени развития языка и сознания*;

³ Этот принимаемый тезис прямо противоречит сальтационной концепции ранних публикаций Н. Хомского и Д. Бикертонa о позднем появлении языка или «узкой языковой способности» (к синтаксису, рекурсии) вследствие некоей разовой мутации. Поэтому данная теория здесь не будет обсуждаться даже в ее смягченной версии [Hauser, Chomsky, Fitch, 2002].

происходила коэволюция в аспектах артикуляции звуков, понимания значений и смыслов, словесной памяти, способности описывать отдаленные события, усматривать отношения, переключать внимание между разными контекстами [Donald, 1998; Gardenfors, 2003; Бикертон, 2012; Gabora, Smith, 2018].

5. Ступенями нарастания языковой сложности были *прото-слова, пиджин-предложения*⁴, затем предложения с *синтаксисом и грамматикой*⁵ [Jackendoff, 2002; Burling, 2005; Hurford, 2012; Бикертон, 2012].
6. Наряду с умножением элементов появлялись разнообразные *свертки*, позволявшие передавать и понимать сложное содержание простыми средствами с использованием *подсознательных структур, навыков* [Выготский, 2005; Jackendoff, 2002; Бурлак, 2019].
7. Развитие речи и языка было глубинным образом связано с такими явлениями и чертами в микроситуациях «здесь и сейчас», как эмоциональная напряженность речевой коммуникации при трудностях понимания, *повторы* с использованием мимики и жестикуляции, *ритуальность* (совместное сосредоточение внимания, синхронизация ритмов, эмоций, действий, звуков), а также *систематическое исправление ошибок друг друга* [Deacon, 1997; Collins, 2004; Levinson, 2016; Laland, 2017].

Н.С. Розов
Антропологические корни языковых универсалий

Традиционность языков и межпоколенная трансляция

Трансляция языка в поколениях через культуру и социальное научение, а не через биологические механизмы наследственности, объясняется как закономерное расширение еще дочеловеческой способности к обучению детенышей самых ранних гоминид (ардипитеков, австралопитеков), произнесению и распознаванию дифференцированных сигналов [Burling, 2005; Lovejoy, 2009; Фитч, 2013; Розов, 2022: 73–77].

⁴ Эту стадию глоттогенеза выделил Д. Бикертон по аналогии с типовыми конструкциями пиджинов [Voehm, 2000; Бородай, 2020].

⁵ Здесь и далее термин «грамматика» используется не в широком значении (синтаксис+морфология), а в узком — как совокупность правил изменения словоформ в соответствии с синтаксическими конструкциями. Дело в том, что в тематике антропогенеза термин «морфология» уже занят и относится к анатомическим изменениям, поэтому использование термина «морфология» (в лингвистическом значении) внесло бы путаницу.

Дальнейшая когнитивная эволюция состояла в неуклонном росте доли передаваемого опыта через язык и развитие соответствующих врожденных нейропсихологических задатков к освоению языка и научению через него [Ламсден, Уилсон, 2017; Черниговская, 2008; Розов, 2022: 25–31]. Общее объяснение этого сквозного тренда состоит в том, что языковая фиксация нового опыта в широком смысле (знаний, практик, правил, порядков, святынь, идей и пр.) систематически получала положительное подкрепление через многоуровневый отбор [Boyd, Richerson, 2004]. Это, в свою очередь, способствовало последующим попыткам обозначать и вербально передавать познавательные, практические, ценностно-нормативные и все остальные новации.

Произвольность элементов языка, эффективность жестовых указаний и возможности словесных пояснений

Отсутствие явной внешней связи, какого-либо подобия между означающим и означаемым само по себе не требует объяснения. Здесь скорее целесообразно объяснять немногочисленные обратные случаи: от примитивных подражаний звукам животных и птиц («ку-ку», «мяу-мяу», «гав-гав») до фонетической схожести во многих языках слов типа «мама», «баба», исходя из первых детских распознаваемых артикуляций [Выготский, 2005; Томаселло, 2011].

Для всех случаев хоккеттовской «произвольности» вполне достаточным объяснением служит отсутствие какой-либо мотивировки или даже возможности «уподобления»; первые протослова, а затем слова вырабатывались в ситуациях, когда можно было непосредственно указать на обозначаемый предмет, показать действие, указать на свойство.

При достижении понимания эта связь закреплялась по принципу положительного подкрепления [Скиннер, 2016], поэтому никакой нужды в «уподоблении» тут не просматривается. В дальнейшем значения новых слов, в том числе абстрактные, без видимых денотатов, прояснялись и закреплялись через пояснения посредством уже известных других слов (см. далее о «рождении слова» и семантической); при этом опять же ничто не мешало их «произвольности».

Семантичность, дискретность знаков и эволюция «семиотического треугольника»

Изначальная дискретность происходит из дискретности дифференцированных по значениям сигналов в языке животных и

первых гоминид [Фитч, 2013]. Также дискретны и вполне осмыслены (как минимум, эмоционально) были *нормативные сигналы*, которые подавали эгалитарные коалиции австралопитеков и хабилисов в своей долгой борьбе с агрессивными одиночками («альфа-самцами») за доминирование в группе [Knight, 2006; Zlatev, 2014; Розов, 2022: 83–108].

Дискретными и вполне семантически точными были названия разнообразных предметов пропитания, мест их нахождения. Эта дискретность не исчезла при развитии протофраз, пиджин-предложений и способов словообразования, поскольку сохранялись базовые коммуникативные заботы передачи и понимания сообщений.

Единицы плана выражения (протослова, слова, корни, частицы) изначально имели свои дискретные значения, которые сохранялись при соединении и/или видоизменении этих единиц. При утрате дискретности получались смутные, невразумительные высказывания, которые не обеспечивали заботы передачи и понимания, вызывали неприятие — негативное подкрепление по Скиннеру [Скиннер, 2016]; соответственно, продолжались попытки переименования, приводившие к пониманию.

Слияние единиц высказываний вплоть до неразличимости (при образовании новых слов, при грамматикализации⁶) также имело место, но такие процессы не отвергают дискретности, поскольку каждый раз рождалась новая отдельная единица [Jackendoff, 2002].

Продуктивность/открытость высказываний, языковая память, комбинаторная способность и ритуал переименования

Создание и понимание сообщений имели место на каждой ступени глоттогенеза, разумеется, на своем уровне. У австралопитеков не могло быть больше затруднений в обмене звуковыми сигналами, а у хабилисов и ранних эректусов — единичными протословами (холофразами), чем в общении шимпанзе и бонобо.

Другое дело — *новизна высказываний*. По-настоящему о ней можно говорить только при переходе на ступень протофраз, особенно уводящих протофраз. Если об отдаленной во времени и пространстве ситуации произносились протослова, соответствующие

⁶ Грамматикализация — эволюционное превращение слов в грамматические маркеры, как правило, через *семантическое выцветание* (утрату автономного значения), *фонетическую эрозию* (утрату четкости и полноты звучания), *морфологическую редукцию* (утрату части слова), *облигаторизацию* (маркер становится обязательным по правилам грамматики).

ей по смыслу, значит, новизна уже точно имела место. Подъем на этот уровень мог произойти только при накоплении критического числа протослов, развитии способности удерживать их в активной памяти и сочетать в разных комбинациях в ответ на меняющиеся внешние обстоятельства.

Эта способность достигалась благодаря групповым *ритуалам переиначивания и отгадывания*, которые, будучи вокальными пробами обеспечения главной коммуникативной заботы — достижения понимания, — стали основой речевого развития для всех последующих стадий глоттогенеза. Именно благодаря этой практике формировались способности тут же вспоминать, произносить протослова (а позже — полноценные слова), соединяя их для передачи целостного смысла.

Структурно и генетически сходными с ритуалами переиначивания являются *миниритуалы поправок и одобрения* родителями детских попыток говорить [Выготский, 2005], а также обсуждение сложных тем взрослыми, которое при успехе и достижении согласия завершается итоговой, получившей общее признание речевой формулой — «сухим остатком».

Общее одобрение удачно найденной формуле, будь то протослово, протофраза у гоминид или осваивающего язык ребенка, либо удачно найденная формулировка в обсуждении сложных вопросов взрослыми, всегда является сильным положительным подкреплением. Такое подкрепление способствует фиксации результата в памяти участников, укрепляет соответствующие склонности и способности их последующего речевого продуцирования [Розов, 2002: 123].

Очередность предоставления слова и доступ к еде в групповых трапезах

Примерно 350 тыс. лет назад эректусы уверенно овладели огнем вкупе с коллективным приготовлением пищи [Дробышевский, 2017: 123]. Это достижение привело к *ритуалам совместных трапез*, которые являются до сих пор универсальными во всех известных культурах, что свидетельствует об их древности и огромной культурной значимости.

Совместная трапеза охотников-собирателей и, вероятно, протосапиенсов как совместное принятие добытой за день и приготовленной на огне пищи — это особое действие с общим фокусом внимания, солидарными, скоординированными действиями, практиками, общей эмоцией и определенным порядком, дисциплиной [Рэнгем, 2012].

Такая трапеза всегда была ритуалом и обеспечивающей структурой для двух важнейших забот:

- чтобы утвердить доминирование занимавших высшие позиции (коалиция, ее лидеры, их ближайшие приспешники);
- чтобы все были накормлены.

Традиция совместных трапез уходит в глубь на сотни тысяч лет, но полноценным регулярным ритуалом она стала именно при уверенном освоении огня, тепловой обработки пищи, коллективном ее приготовлении.

Важным ритуальным аспектом каждой совместной трапезы был *порядок доступа каждого участника к пище*. Либо кто-то ее раздает поочередно, либо каждый опять же в определенном порядке берет свою часть (отрывает кусок, черпает, насыпает). Так, во многих крестьянских домах России вплоть до начала XX века черпали ложкой из общего котла, но всегда в строгой очередности — по иерархии.

Какой именно был порядок в общих трапезах эректусов, мы никогда не узнаем (вероятно, он также соответствовал сложившейся в каждой группе социальной иерархии), но важно только одно — некая *соблюдавшаяся участниками дисциплина непременно имела место*. Без порядка доступа к еде происходили бы каждодневные свары и драки, что никак не сочетается с предпосылкой о доминирующей коалиции, утвердившей запрет на междоусобное насилие. Собственно, *порядок доступа к еде при совместной трапезе — это прямое продолжение нормы обязательного дележа добычи*, поэтому в установлении такого порядка никак нельзя усомниться.

Именно ритуал порядка доступа к еде в совместной трапезе, надежно производящий установки спокойного ожидания своей очереди, представляется социальной основой для ритуала уже человеческого общения [Розов, 2022: 173–178], когда выступает один, а остальные молчат, сосредоточены на этом выступлении, ждут своей очереди, хотя уже хочется сказать, возразить, добавить [Levinson, 2016].

Само действие трапезы, обычно сопровождавшееся вербальным общением, получало свои эмоциональные подкрепления от ощущений общности, согласия, взаимной поддержки. Такое общение впоследствии могло отделяться от самой трапезы, хотя здесь нелишне отметить, что практически все важнейшие древние ритуалы были связаны с жертвоприношением и едой.

Разумеется, в «чистом виде» данный паттерн коммуникации мог сложиться лишь в ходе долгой эволюции. Правило очередности высказываний спорадически нарушается (как и все остальные человеческие правила), но в большинстве мирных разговоров выполняется, что способствует как укреплению солидарности, так и продуктивности общения.

Языковая перемещаемость и уводящие протофразы как «руководство воображением» слушателей

Протофразы с внеситуативной семантикой названы *уводящими*, поскольку намерение говорящего состоит в том, чтобы ментально *увести* слушателя из ситуации «здесь и сейчас» в другую, отдаленную — как бы «убежать» туда объединенным, совместно сфокусированным вниманием.

Соответствующая способность сознания *сосредоточивать внимание на ситуациях в другом месте и/или в другом времени* и при учете своего настоящего положения *сообразовывать* поведение с происходившим там, концептуализирована Д. Дором как «руководство воображением» (слушателей) [Dor, 2014: 106].

Появилась способность (вначале совместная — согласно принципу интериоризации Л.С. Выготского) переключать внимание на события вне зрительного поля, вне ситуации «здесь и сейчас» [Donald, 1998]. Почему же понадобилось что-то сообщать о далеких ситуациях, при каких социальных условиях такое вообще стало возможным, регулярным, типичным?

В центр внимания попадали не какие-то абстрактные отношения, а конкретные ситуации. Хорошие события были связаны с богатой добычей, удалью и удачей, плохие — с неудачной охотой, опасностями, угрозами, ранениями.

Всегда эмоционально значимыми были и остаются сферы отношений и взаимодействий, связанных с насилием/безопасностью, доминированием, престижем, эротикой и сексуальностью, родительством. А в этих сферах внимание всегда фокусируется на конфликтных ситуациях с нарушением принятых правил и порядков, в том числе за пределами актуального зрительного поля [Gardenfors, 2003; Розов, 2022: 178–186].

Процессы высвобождения речи, прежде всего, ее семантики, смыслов, от привязанности к наличной ситуации имели кардинальное значение в когнитивной эволюции: *собственно, тогда и стало расти сознание как самостоятельная цельная совокупность психических способностей, отдельная от внимания.*

Переход к пиджин-предложениям как обеспечение забот «социального исчисления»

Примем следующие тезисы в качестве предпосылок:

- сохранение/повышение статуса, престижа как уровня членства в группе оставалось главной социальной мотивацией каждого индивида;

- при сохранявшихся базовых заботах о безопасности и пропитании в давно установленной нише нормативности статус прямо зависел от проявленного мужества в защите соплеменников, от искусности и удачливости в охоте и других промыслах, а также от соблюдения групповых правил, включавших, в частности, запрет на междоусобное насилие;
- благодаря практикам общения протофразами, позволявшим ментально «убегать» в отдаленные ситуации, групповое внимание все чаще стало фокусироваться на них.

Совмещение этих компонентов делает вполне очевидным *рост значимости рассказов о прошлых событиях в других местах для изменений статуса участников этих событий.*

Как участники событий были склонны подавать произошедшее с ними? До сих пор в своих мемуарах каждый политик вольно или невольно представляет прошлые события в выгодном для себя свете. Рассказывая о себе и своих поступках в повседневном общении, мы также склонны приукрашивать свои достоинства, умалчивать о своих неприглядных поступках, провалах, хоть и не склонны признаваться в этом даже самим себе. Странно и обидно было бы отказать в таком естественном стремлении нашим далеким предкам.

Коммуникативный конфликт возникает, когда другие участники описываемой ситуации не согласны и представляют свои версии случившегося. Происходит долгий, несомненно напряженный и эмоционально насыщенный процесс переспрашивания, выяснения сути дела. Речь шла уже не просто о том, где что вкусное можно добыть, а *что именно произошло*: кто кого обидел, кто кому помог или не помог, почему случилась такая-то неприятность (ранение, потеря добычи), а что способствовало удаче, кто соблюдал установленные правила, а кто их нарушал.

Порядок элементов в высказывании появлялся в ответ на *растущие заботы точности*, но *забота о точности* обычно возникает при наличии *альтернатив и неопределенности*, которую следует преодолеть. Лучшим кандидатом на поставку альтернатив и неопределенности является *несогласие* относительно произошедшего, *конфликт версий*.

Коммуникативная забота уточнения высказываний (в частности, пиджин-предложений) задается прагматической заботой «*социального исчисления*» (*social calculus*) [Knight, 2006; Zlatev, 2014], когда версии о ранее произошедшем расходятся и требуется выяснить — разобраться, какие именно были действия разных лиц в соотношении с принятыми нормами [Розов, 2022: 186–195].

Н.С. Розов
Антропологические корни языковых универсалий

Такого рода *разбирательства*, конечно же, являются особыми интерактивными ритуалами [Collins, 2004], призванными разрешить конфликт коммуникативными средствами. В разбирательствах происходит не столько перебранка, сколько выяснение обстоятельств и стремление некой авторитетной инстанции выяснить существо дела [Voehn, 2000]. Фактически это структура «третейского суда», причем роль авторитетной инстанции выполняла доминирующая в группе коалиция.

Разбирательство завершалось, когда наиболее авторитетные члены коалиции достигали согласия, выносили решение, кого-то поддерживали, а кого-то обвиняли или наказывали, но всегда объявлялся вердикт как *словесная формула, понимавшаяся достаточно однозначно*.

В фокус внимания попадали прежде всего лица, совершавшие какие-то действия, поэтому неслучайно до сих пор в большинстве языков субъект ставится на первое место в последовательности элементов высказывания. Вероятно, *итоговую формулу повторяли все участники обсуждения, чтобы лучше ее понять и затвердить согласие*, выразить общую индуцированную лидерами эмоцию. При этом участники разбирательства *осваивали в качестве побочного результата высказывания, более точные, чем были доступны ранее*: пиджин-предложения заменяли прежние уводящие протофразы, а затем сами пиджин-предложения стали дополняться элементами синтаксиса и грамматики [Jackendoff, 2002; Gardenfors, 2003; Бикертон, 2012; Розов, 2022: 196–223].

Двойное членение и ступени глоттогенеза

Объяснение этой универсалии является многоступенчатым. Преобразование невнятных звуков в протослоги, затем в слог с различением фонем, в протослова и полноценные слова происходило на протяжении всего процесса глоттогенеза.

При овладении слогами, фонемами и способом через сочетания слогов образования новых протослов последние стали сравнительно быстро множиться, особенно благодаря ситуациям, подобным *конкуренции рекрутингов* [Розов, 2002: 151–153]. Так складывался первый уровень двойного членения.

Далее росли способности произносить осмысленные сочетания протослов: от реактивных протофраз через уводящие протофразы, пиджин-предложения до развернутых речей со сложными синтаксисом и грамматикой.

Во время *ритуалов переименования и отгадывания* говорящий и слушатели (активные, переспрашивающие) фокусировали

внимание на значениях — семантике высказывания, но при этом все участники делали пробы переименования для достижения единой, «правильной», понятной, легко произносимой и распознаваемой формулы. Это рано или поздно достигалось (вполне бессознательно, «автоматически») протословом или протофразой, которые получили одобрительное согласие. Здесь семантическая закреплена для каждого нового протослова, возникали и росли зачатки объединения их значений в протофразах с синкретичным смыслом, затем в пиджин-предложениях и т.д. [Розов, 2022: 153–195].

Каждый раз это происходило вследствие наслоения новых коммуникативных забот, обеспечивавших их практик разбирательств, переговоров, споров, публичных речей (см. выше). Так объясняется второй уровень предложений. Поскольку предложений не хватало для полного, точного описания отдаленных во времени и пространстве событий, складывался третий уровень — рассказы, повествования, речи, то есть устные тексты.

Все основные заботы и практики, попытки коммуникативного обеспечения которых приводили к усложнению языка, остались и с нами — во всей известной истории и в XXI веке.

Действительно, выжили, триумфально размножились и расселились по континентам только те популяции, которые делали то же, что и мы: разными способами добывали и вместе готовили пищу посредством измельчения, смешивания и тепловой обработки, проводили совместные трапезы, учили детей говорить, контролировали «правильность» речи друг друга, поправляя ошибки, рассказывали об отдаленных событиях, вели разбирательства нарушений правил, так или иначе разрешали конфликты, спорили, пытались аргументировать свою позицию, обменивались, вели переговоры, участвовали в эротическом и брачном рынке и/или в брачной политике, конкурировали за социальный престиж в практиках публичного и приватного общения, заигрывали друг с другом, сплетничали, интриговали и т.д. Попробуйте найти исключения в любых исторических или современных сообществах.

Предположительная связь между появлением новых порядков, забот и практик гоминид, ступенями глоттогенеза и главными уровнями универсальной языковой архитектоники представлены на рисунке.

Итак, хоккейные языковые универсалии вполне коррелируют с универсальными человеческими порядками, заботами и практиками. Все они были обретенны еще на этапах глоттогенеза. Общие черты наших столь разнообразных языков имеют полное право считаться древнейшими достижениями человеческого рода.

НАУЧНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Гипотетические связи ступеней глоттогенеза со структурными уровнями известных языков

Anthropological Roots of Linguistic Universals

Nikolai S. Rozov

DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher in the Institute for Philosophy and Law.

Siberian Branch RAS.

Professor of the Department of International Relations and Regional Studies.

Novosibirsk State Technical University.

Institute for Philosophy and Law.

8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation.

nrozov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2362-541X

Abstract. This article is devoted to the theoretical analysis of the mechanisms and regularities of origins of languages universals. The universals are treated in the classical interpretation of C. Hockett (1962) include traditional transmission, arbitrariness, productivity/openness; displacement, semanticity, and discreteness of signs; duality of patterning. The universals contrast against the widest variety of features found by linguists in the analysis of languages including those that are very different from the "average European standard". Seven theses present an emerging paradigm in modern studies of glottogenesis, including features of multistage, integrativity, and sociality. Verbal communication appeared

as an adaptation, in the course of anthropogenesis as biological, and then as social and cultural evolution under the action of multilevel selection mechanisms and the construction of new technonatural and social niches. The basic conditions of glottogenesis were self-domestication, the formation of joint intentionality, and the formation of basic social norms. Speech abilities and linguistic structures appeared separately for a very long time (hundreds of thousands of years) with alternating breakthrough and long cumulative periods. The stages of increasing linguistic complexity were proto-words, pidgin sentences, and then sentences with syntax and grammar. The universals were formed along with the origin and development of languages, i.e., in the processes of glottogenesis as the most important part of the cognitive evolution of hominids in the processes of sapientation (from *Australopithecus* and *Homo Habilis* to *Homo sapiens*). The ascent to each new level (glottoaromorphosis) was accomplished in response to new challenges and communicative concerns that naturally appeared in the processes of anthropogenesis. This complex dynamic relationship of niches, orders, challenges, concerns, attempts, fixation mechanisms, and multilevel selection serves as the theoretical basis for the proposed explanations of linguistic universals.

Keywords: linguistic universals, glottogenesis, the origin of language, cognitive evolution, anthropogenesis, social order, communicative concerns, challenges and responses, multilevel selection, proto-language, semanticity, displacement.

For citation: Rozov N.S. Anthropological Roots of Linguistic Universals // *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 4. P. 111–128. DOI: 10.31857/S023620070021631-1

Литература/References

- Беляев Д.К. О некоторых факторах эволюции гоминид // *Вопр. философии*. 1981. № 8. С. 69–77.
Belyaev D.K. O nekotoryh faktorakh evoliutsii gominid [On Some Factors of Hominids' Evolution]. *Voprosy filosofii*. 1981. N 8. P. 69–77.
- Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей / пер. с англ. О. Кураковой, А. Карпухиной, Е. Прозоровой. М.: Языки славянских культур, 2012.
Bickerton D. *Yazik Adama: kak lyudi sozdali yazik, kak yazik sozdal lyudey* [Adam's Tongue. How Humans Made Language, How Language Made Humans], transl. from Engl. by O. Kurakova, A. Karpuhina, E. Prozorova. Moscow: Yaziki slavyanskih kul'tur Publ., 2012.
- Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М.: Языки славянских культур, 2020.
Borodai S.Yu. *Yazyk i soznanie. Vvedenie v postreliativizm* [Language and Consciousness. Introduction in Post-relativism]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2020.
- Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Диджитал, 2019.

Н.С. Розов
Антропологические корни языковых универсалий

- Fitch W.T. *Evoluciya yazika* [The Evolution of Language]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, Publ., 2013.
- Хоккетт Ч. Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. 1970. Вып. 5. С. 45–76.
- Hockett C. F. Problema yazikovih universalij [The problem of universals in language]. *Novoe v lingvistike*. 1970. Vol. 5. P. 45–76.
- Черниговская Т.В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд лингвиста и биолога // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 395–412.
- Chernigovskaya T.V. Chto delaet nas lyudmi: pochemu nepremnenno rekursivnie pravila? Vzgljad lingvista i biologa [What Makes Us Human: Why Are There Always Recursive Rules? From the Point of View of a Linguist and Biologist]. *Razumnoe povedenie i yazik. Vip. 1. Kommunikativnie sistemi zhivotnih i yazik cheloveka. Problema proishozhdeniya yazika* [Reasonable Behavior and Language. Vol. 1. Communicative Systems of Animals and Humans. The Problem of the Origin of the Language], eds. A.D. Koshelev, T.V. Chernigovskaya. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. P. 395–412.
- Barnard A. Social origins: sharing, exchange, kinship. *The Cradle of Language*, R. Botha, C. Knight (eds.). Oxford University Press, 2009. P. 219–235.
- Bernabeu P., Vogt P. Language evolution: Current status and future directions. *10th LangUE Conference*. Essex, UK, 2015. P. 1–27.
- Boehm C. Conflict and the evolution of social control // *J. of Consciousness Studies*. 2000. N 7. P. 79–101.
- Bouchard D. *The Nature and Origin of Language*. Oxford University Press, 2013.
- Boyd R., Richerson P. *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Chicago University Press, 2004.
- Burling R. *The Talking Ape. How Language Evolved*. Oxford University Press, 2005.
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004.
- Deacon T.W. *The Symbolic Species: The Coevolution of Language and the Brain*. New York: Norton, 1997.
- Donald M. Hominid enculturation and cognitive evolution. C. Renfrew, C. Scarre (eds.). *Cognition and Material Culture: The Archaeology of Symbolic Storage*. Cambridge: McDonald Institute, 1998. P. 7–17.
- Dor D., Knight C., Lewis J. (eds.). *The Social Origins of Language*. Oxford University Press, 2014.
- Evans N., Levinson S.C. The myth of language universals: language diversity and its importance for cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences*. 2009. N 32(5). P. 429–448.
- Gabora L., Smith C.M. Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution. *J. of Anthropological Sciences*. 2018. Vol. 96. P. 1–26.
- Gardenfors P. *How Homo Became Sapiens: on the Evolution of Thinking*. Oxford University Press, 2003.

Н.С. Розов
Антропологические корни языковых универсалий

- Hauser M., Chomsky N., Fitch W.T. The language faculty: What is it, who has it, and how did it evolve? *Science*. 2002. Vol. 29. N 5598. P. 1569–1579.
- Hurford J.R. *Language in the Light of Evolution: Volume II, The Origins of Grammar*. Oxford University Press, 2012.
- Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford University Press, 2002.
- Enfield N., Sidnell J. Language presupposes an enchronic infrastructure for social interaction. Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.). *The Social Origins of Language*. Oxford University Press, 2014. P. 92–104.
- Knight C. Language co-evolved with the rule of law. *Evolution of Language. Proceedings... 6th International Conference (EVOLANG6)*, 12–15 April 2006, Rome, Italy / Cangelosi A., Smith A.D.M., Smith K. (eds.). 2006. P. 168–175.
- Laland K.N. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton University Press, 2017.
- Levinson S.C. Turn-taking in human communication — origins and implications for language processing. *Trends in cognitive sciences*. 2016. Vol. 20. N 1. P. 6–14.
- Lovejoy C.O. Reexamining Human Origins in Light of *Ardipithecus ramidus*. *Science*. 2009. Vol. 326. N 5949. P. 74–74e8.
- Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W. *Niche Construction: The Neglected Process in Evolution*. Princeton University Press, 2003.
- Sterelny K. Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language. *Biological Theory*, 25 July. 2016. P. 173–186.
- Stringer C. *Lone Survivors: How We Came to Be the Only Humans on Earth*. Times Books, Henry Holt and Company, 2012.
- Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language. Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.). *The Social Origins of Language*. Oxford University Press, 2014. P. 249–266.